Г-49

Л. Г. Гинзбург

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗВЕСТНЫХ БИОГРАФИЙ

23.3(2Рос=Ру)
Г49

Л.Г. Гинзбург

Неизвестные страницы известных биографий

Личная жизнь русских писателей

Нижневартовск
Издательство Нижневартовского педагогического института
1995

БИБЛИОТЕКА НИЖНЕВАРТОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

ББК 84 Р1
Г 49

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Нижневартовского педагогического института

Рецензент кандидат филологических наук,
доцент Т.Е.Казакова

Гинзбург Л.Г.

Г 49 Неизвестные страницы известных биографий: Личная жизнь русских писателей. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1995. — с. 192

ISBN 5—89988—018—X

Великие имена — великие личности. Внимание к ним особенно усилилось в последнее время, потому что слишком долго нас интересовали лишь вопросы экономики и политики. Как никогда раньше, нашему читателю — в первую очередь молодому — нужны светлые кумиры и идеалы.

Книга, в которой использована малоизвестная мемуарная литература, рассказывает о личной жизни русских писателей XIX—XX веков, их любви, дружбе, вкусах, привязанностях, симпатиях и антипатиях, о счастливой или несчастливой семейной жизни, о судьбе потомков: детей и внуков.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей литературы и жанром художественной биографии.

1202 тэп /39

Г $\frac{4603020000-001}{8П4(03)-95}$ Без объявл. ББК 84 Р1

ISBN 5—89988—018—X

© Л.Г. Гинзбург, 1995
© А.Н.Храмцов, оформление, 1995

БИБЛИОТЕКА
НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

О САМОМ ВАЖНОМ!

(ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ)

«У великих людей не две даты бытия в истории — рождение и смерть, — а только одна дата: их рождение». Эти слова Алексея Николаевича Толстого — о бессмертии великих. Но становясь бессмертными, эти люди обречены и на нескончаемый, неустареваемый от поколения к поколению интерес к прожитой ими жизни, ибо она уже перестает быть частным делом, а становится общественным достоянием.

Конечно, в жизни великих людей бывали не только взлеты, но и падения, не только победы, но и поражения. Ничто человеческое не было им чуждо, и у них были свои слабости. Но они не нуждаются в нашем снисхождении и ханжеском заступничестве. У великого человека даже ошибки великие, а у мелкого — и самые высокие чувства мелки. Лучше попытаемся понять великих людей, соотнося их поступки с их величием.

Представим себе, как трудно было жить каждому из них, постоянно ощущая себя как бы под микроскопом всеобщего внимания. Так, например, известно, что жизнь А.С.Пушкина исследователями изучена и прокомментирована по дням и часам. Всего 12-13 дней его жизни неизвестны им: где бывал, с кем встречался, о чем говорил. А о Л.Н.Толстом критических и научных работ уже написано в 80 раз больше, чем он сам написал! Что ж, таков удел всех знаменитостей — испытывать на себе пристальное внимание современников и потомков.

Каждый из них прожил непростую жизнь. И если бы им дано было прожить сначала одну жизнь, начерно, а потом вторую — чистую, с учетом сделанных ошибок... Но переписать свою жизнь набело никому не дано. Конечно, нам так хотелось бы, чтобы великие люди были безупречны во всем! А они были не всегда праведные. Именно это и делает человека интересным: внутренняя борьба между плохим и хорошим. И они сами понимали это лучше других.

Жизненное кредо Льва Толстого: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость».

Так кто же дал нам право «причесывать», «приглаживать», упрощать их жизни? Описывать их душевные страдания приторными, фальшивыми словами? Чем больше таких слов, тем сильнее недоверие к ним.

О великих людях во все времена слагали легенды и анекдоты. Слухов, сплетен вокруг их имен было тем больше, чем меньше знали о них. Недостаток официальной информации всегда порождает слухи. И иногда настолько невероятные, что еще неизвестно, что больше, правда или досужие вымыслы, дискредитировали историю русской литературы! Не случайно свою предсмертную просьбу Маяковский выразил словами: «...и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил».

А интерес к их жизни все равно будет, и никакими инструкциями его не отменить. Писатель И.И.Панаев, друг Некрасова, вспоми-

нал, что при жизни поэта, и особенно после его смерти, не прекращались вопросы о нем. Особенно часто Панаев цитировал письмо одного преподавателя словесности, который написал ему: «Мне весьма важно иметь *настоящее* понятие о личности Некрасова, потому что я часто нахожусь в затруднении, когда нужно отвечать что-либо с уверенностью на постоянные вопросы моих учеников о личных качествах народного поэта».

Нас слишком долго держали в рамках сухих, официальных сведений, и мы привыкли воспринимать писателей односторонне, только как пишущих людей, оценивая всю их жизнь с чисто профессиональных позиций. Может, именно поэтому, еще со школьных лет они все запомнились нам как бы на одно лицо: все великие, все заступались за народ, все любили Россию... А ведь даже Россию они любили по-разному.

Особенно высок (и закономерен) горячий интерес читателей к подробностям *личной* жизни писателей. И также естественны некоторая неловкость и смущение от вторжения в область интимных чувств. Но можно ли понять до конца человека без этого? Можно ли говорить о *личности*, не касаясь *личной* жизни?

Любовь... Самое великое из чувств, дарованное человеку природой. И в чем он раскрывается глубже и ярче, чем в любви? И дело, в конце концов, не в самих биографических подробностях их жизни. Для нас важнее само творчество писателей. Каждое пережитое ими чувство отразилось в нем строчкой стиха или дневниковой записью. Любовь вдохновляла великих русских писателей на создание литературных шедевров, возвышала и облагораживала их души. Именно отражением этих чувств стала любовная лирика Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока. И если признания, сделанные в устной форме, забываются, то те, что вылились в прекрасные стихи — живут века. И мы должны знать имена женщин, встреча с которыми обернулась созданием великих поэтических шедевров в нашей литературе.

Очень часто можно слышать упреки поэтам 19 века по поводу их чрезмерной любвеобильности. Такие «моралисты» не учитывают того обстоятельства, что писатели и поэты — люди иного психологического склада, более утонченные, более глубоко чувствующие, и судить их мерками обычного, стандартного человека, да еще нашего, явно нелирического века, по меньшей мере нелепо. И дело не в том, сколько раз в жизни любил человек (кто-то испытывает это чувство всю жизнь, а кто-то — ни разу), а как это чувство влияет на него, какой след оставляет в душе, а у поэтов — и в творчестве. Если бы они не испытывали это чувство столь часто, мы сейчас недосчитались бы половины их произведений.

Да, наш слишком рациональный век разучил нас любить так, как могли любить они! Вы заметили, что современные мужчины стали меньше интересоваться женщинами? Нет, случается, они любят. Но как-то наспех, как-то неглубоко и ненадолго, в промежутках между своими более важными делами. Мужчины давно уже разумно предпочитают не умирать от любви. Вот умереть в служебном кресле от инфаркта — это совсем другое дело...

А в сущности, какой это красивый мотив — мужчина и женщина! Но, увы, мелодия оборвалась. Будто какая-то неведомая сила

развела современных влюбленных, некогда близких, необходимых друг другу людей, по разным берегам. И уже трудно, согласитесь, назвать любовью те мелкие драмки, которые происходят между ними!

Мы истосковались по истинному. По настоящей любви, состраданию, очищению, по всему тому, что мы так легкомысленно растеряли... Вот и захотелось приобщиться, прикоснуться к страницам великих чувств, к большому умению любить. А любить они умели! И под дуло пистолета шли за любовь, и на каторгу, и от высоких титулов отказывались, чтобы служить своей Прекрасной Даме. Красиво умели любить...

Конечно, кое-кто, выискивая в биографиях великих писателей нечто сомнительное, радуется, как зло писал Пушкин, унижению высокого, слабостям могучего: «При открытии всякой мерзости, она (любопытствующая толпа — Л.Г.) в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы — иначе!»

Но есть и другой читатель. Умный, тактичный, великодушный. Умеющий понимать и прощать, восхищаться и сострадать. Эта книжка — для него.

Итак, нам предстоит вторгнуться в область самого сокровенного. Такое вторжение всегда неделикатно. Этих людей давно уже нет на свете, их страсти и беды стали достоянием истории. И нужно подойти к ним без дешевой сенсационности, а с тем человеческим уважением, к которому обязывает чужая тайна. Нелегкая, признаемся, задача. И да простят нас тени давно ушедших...

рить. А он шел не сворачивая, стиснув зубы, сражаясь из последних сил, до хрипоты надрывая голос. И он был всего лишь человек. Он начинает уставать. А тут еще болезнь горла, он начинает терять голос, свой могучий, разящий наповал бас.

— А мне надо целую свору переорать.

Дальше — неудачная постановка его пьесы «Баня», вызвавшая радостное и злобное ликование его врагов. Он удручен, он думает, что его литературные способности иссякли. А враги осмелели. Они развязно поглядывают на него, уже и смешки раздаются по его поводу, они не боятся, им кажется, что он уже ручной. А он стоит среди них, всем такой чужой, одинокий, очень большой и непривычно молчаливый. И друзей рядом нет: самые близкие ему люди, Лиля и Осип Брики были в Лондоне. И вот кто-то уже зло и ядовито усмехается:

— Маяковский, из истории известно, что все хорошие поэты скверно кончали: или их убивали, или они сами... Когда же вы застрелитесь?

Взятая отдельно каждая из причин не представляется достаточным поводом для самоубийства. Но все вместе...

Левша с детства, он нацелился себе в сердце левой рукой. И не промахнулся. Ведь когда сердце болит, в него так легко попасть...

«В ЛЮБВИ ВСЕГДА ПРИЯТНЕЙ ОТДАВАТЬ, ЧЕМ БРАТЬ...»

А.М.Горький

Алексей Максимович ГОРЬКИЙ любил русскую женщину той любовью, которая в народе называется «жалостью». Он жалел ее. И он был рыцарем немедленной справедливости по отношению к женщине. И если она не наступала, он спешил установить ее сам...

Он всю жизнь был чрезвычайно совестливым человеком. Стыд за других и стыд за самого себя как-то смешивались в Горьком в одно чувство. По характеру и привычкам это был тип позднего викторианца, когда стыд за чужое бесстыдство, за все, что выходит за рамки кодекса поведения порядочного человека, становится самым сильным чувством...

Мало кто знал, что с молодости еще он был сильно искалечен: у него были сломаны ребра. Ему пришлось стать свидетелем того, как мужик впряг в оглобли вместо лошади свою молодую, изменившую ему жену. Голая женщина, почти девочка, исхлестанная кнутом, бежит рядом с оглоблей. Мужик, стоя на телеге, бьет и по коню, и по женщине...

Горький дрался тогда один с толпой, его избили и бросили в канаву. Он выжил. Ребра срослись. Боль осталась. Рыцарские доспехи — костюм тяжелый...

И он не изменился. Уже пожилым человеком он вступается за женщину, которую бьет солдат. Подбежав к нему, Горький развернулся и с разворота ударил солдата своей длинной рукой в челюсть. Солдат упал. Горький присел над своим поверженным противником и посмотрел на него снисходительно, опытно и печально и сказал:

— Разве так дерутся?

И женщине:

— Забирайте вашего кавалера. Только пускай не де-

рется, чтобы его не постигла немедленная справедливость.

— Откуда это было в нем, не получившем аристократического, изысканного воспитания?

Горький любил женщин, почти никогда не оставался один, и каждая из его женщин была по-своему замечательная. Мы остановимся на самых важных страницах его личной жизни.

В числе первых значительных любовных увлечений биографы писателя называют Ольгу Каминскую, которую и сам Горький называет своей «первой женщиной». Предыдущая неразделенная любовь 20-летнего Алексея закончилась трагически: он стрелялся, пуля прошла рядом с сердцем, пробив легкое. Состояние посчитали безнадежным, но молодой решительный хирург сделал операцию и спас Горького от смерти.

Познакомившись с Ольгой, Алексей Максимович честно рассказывает ей об этом. Каминская была на 10 лет старше писателя, и он тянулся к ней еще и за материнским состраданием и заботой. Она большого чувства к нему не испытывала и поэтому стать его женой отказалась, что принесло ему большие страдания. Ольга всю жизнь металась между тремя мужчинами, каждого из которых по-своему любила: мужем, Горьким и еще одним человеком, с которым ее связывало давнее чувство. Она несколько раз уходила, уезжала от одного к другому, это был тип женщины «перекати-поле».

Отношения Горького с Каминской продолжались в течение 6 лет, и когда через 28 лет после разлуки до него дошли слухи о ее смерти, он откликнулся на это трагическое известие рассказом «О первой любви», где любовно написал о ней: «В ее отношении к жизни было нечто сродни вере ребенка в безграничную ловкость фокусника: все показанные фокусы интересны, но самый интересный — еще впереди. Его покажут в следующий час, может быть, завтра, но его покажут! Мне кажется, что и в минуту смерти своей она все еще надеялась увидеть этот последний, совершенно непонятный и удивительно ловкий фокус...»

Но слух о смерти Каминской оказался ложным. И Горький встретился с ней через 40 лет. Перед этой встречей писатель очень волновался, как вспоминают его родные. Каминская оставила о Горьком интересные воспоминания.

В первый свой брак Горький вступил уже довольно зрелым человеком.

Первая жена Горького, с которой он прожил 10 лет, Екатерина Павловна Пешкова, была человеком очень

принципиальным и бескомпромиссным (именно это впоследствии стало причиной разрыва, о чем она всегда сожалела), но и необыкновенно скромным, отзывчивым. Ее любовь к Горькому оказалась любовью на всю жизнь. Он был главным человеком ее жизни и в годы супружества, и после. Лучшим другом своей жизни называл Горький Екатерину Павловну. Все, знавшие их, считали, что они очень подходили друг к другу. Это был тот редкий случай, когда сразу, без особых сложностей и треволнений встретились два хороших человека. Но неисповедимы пути семейной жизни...

Второй женой Горького (гражданской) была актриса Художественного театра Мария Федоровна Андреева. Эту женщину смело можно отнести к числу замечательных людей нашего века. Широко образованная женщина, ведущая актриса крупнейшего в стране театра, после революции — комиссар театров, старейший член большевистской партии (партийная кличка «Феномен», данная ей В.И.Лениным, имела и прямой смысл...), друг и соратник А.М.Горького, очаровательная, необыкновенно красивая и гостеприимная хозяйка дома — это все она, Мария Федоровна Андреева.

Она была лично знакома с огромным количеством знаменитых личностей: с Лениным, Луначарским, Саввой Морозовым, Коллонтай, Станиславским, Блоком, Чеховым... Сложна и едва ли повторима ее биография. Дочь актера, жена видного чиновника Желябужского (Андреева — ее сценическая фамилия), она оставила все это и ушла в революционную и общественную работу. Став женой Горького, она вынесла немало оскорблений, презрев мещанские представления о нравственности. Помогать писателю, оберегать его от жизненных и физических невзгод — это становится главным смыслом ее жизни. И когда через много лет их жизненные судьбы вновь разойдутся, она, как и Екатерина Пешкова, сохранит с Горьким теплые, дружеские отношения.

В послереволюционные годы Андреева будет вести огромную общественную работу, руководить театральной и научной деятельностью новой творческой интеллигенции. Умерла она в 1951 году.

Екатерина Павловна Пешкова была дружна с Ф.Э.Дзержинским, работала некоторое время в его ведомстве и даже устроила туда сына.

Она была очень идейна, в молодые годы входила в партию эсеров, и было что-то в ней от старой русской революционерки. Во время Великой Отечественной войны она работала в комитете по розыску детей и родителей, затем в Красном Кресте. За эти годы она вырастит и воспитает много чужих детей (в семье Горького часто усыновляли сирот. Так, одним из усыновленных был младший брат Я.М.Свердлова, Зиновий. В 1914 году он пошел добровольцем на фронт, вел себя геройски, был ранен в руку, которую пришлось ампутировать до самого плеча. Он всю жизнь прожил за границей, участвовал во 2-ой мировой войне в чине генерала французской армии, умер в 1966 году и похоронен на русском эмигрантском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа). Как писала Т.Иванова, жена писателя Всеволода Иванова, знавшая ее лично, если бы ставили памятники Женщинам, начать следовало бы с Екатерины Пешковой.

После нескольких совместно прожитых с М.Ф.Андреевой лет до конца своей жизни Горький никогда не оставался один. В его большом дружном доме жили все: один этаж занимала Е.П.Пешкова с детьми, а позже, с внучками; здесь же жила М.Ф.Андреева, у которой часто гостили ее соратники по партийной работе. И место хозяйки за самоваром обеденного стола тоже никогда не пустовало. В разное время за него садились разные женщины...

Сначала это была Варвара Васильевна Тихонова, очень красивая, изящная женщина, уже бывшая дважды замужем, жена писателя А.Н.Тихонова, часто бывавшего в доме Горького. В 1914 году у нее родилась дочь Нина, разительное сходство которой с Горьким удивляло всех, кто не знал о близости В.Тихоновой к писателю. Горький всегда заботился о них и помогал деньгами.

В 1922 году В.Тихонова с двумя детьми — был еще сын от первого брака — уехала за границу. Впоследствии они подавали в советское посольство прошение о возвращении на родину. Им было отказано. Следы их с тех пор затерялись.

Позже место В.Тихоновой заняла удивительная женщина с уникальной биографией — Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг — бывшая баронесса, полуиностранка, пленительная политическая авантюристка. В высшем свете Лондона ее считали умнейшей женщиной своего времени. Она была аристократкой. Она могла бы быть и коммунисткой. Она только никогда не могла быть мещанкой. И главное, была Женщиной. Более, чем кто-либо иной. Она любила мужчин и не

скрывала этого. Она пользовалась сексом и не была притворно целомудренна, она была свободна задолго до всеобщего женского «освобождения». И мужчины влюблялись в нее преданно и страстно. Много их прошло через ее сердце: эта женщина была связана любовными романами с Б.Локкратом, известным английским политиком начала 20 века; чекистом Петерсом, соратником Дзержинского, расстрелянным вместе с Лацисом и другими помощниками «железного Феликса» в 1937 году; 13 лет она была невенчанной женой писателя Г.Уэллса, к которому она попала уже после Горького (она и познакомилась с ним у Горького в Сорренто, куда он приезжал); она нравилась Сталину, ею интересовались Ницше и Фрейд, она была любимицей русской императрицы, близко знала Распутина, была долголетней подругой Керенского, ей посвящал стихи Блок.

У Закревской было двое детей от первого брака, как она признавалась, «потому что все имеют детей», с которыми она годами жила врозь. Оба ее брака были недлительными, непрочными и не сыграли в ее судьбе особой роли. С Горьким она прожила 12 лет, и все эти годы они были на «вы», и называли друг друга по имени и отчеству. В литературоведении о ней известно только то, что она была секретаршей и переводчицей писателя, и что именно ей был посвящен роман Горького «Жизнь Клима Самгина». Горький назвал ее, урожденную Закревскую, «железной женщиной», по аналогии с тем, как называли влюбленные Пушкин и Вяземский знаменитую петербуржскую красавицу Аграфену Закревскую «медной женщиной».

Мария Закревская считала себя правнучкой баронессы Закревской. Это была одна из многочисленных легенд, которыми она окружала себя при жизни. А может, это была и правда... Она любила рассказывать о себе невероятные вещи. Например, и о том, что она происходила от морганатического брака Елизаветы, дочери Петра Первого. Каков был процент правды в этих рассказах, не узнает теперь уже никто...

В последний год жизни Горького самым близким человеком и доверенным лицом его была медсестра Олимпиада Чертова.

У Горького было двое детей в первом браке, дочь Катя (умерла в пятилетнем возрасте) и сын Максим.

Имя сыну Горький дал в память о своем отце, которого почти не помнил. Отец писателя, ухаживая за маленьким Алешей, заболевшем

холерой, заразился от него и умер. Мать не любила сына, так как считала виновным в этой смерти. Она тоже прожила недолго. Испытав с раннего детства горечь сиротства, Горький высоко ценил семью вообще и к своей был очень привязан.

Максим был для Горького более чем сыном, он был его другом и ближайшим помощником. Сам он обладал многими талантами: был отличным художником, писателем, разбирался в технике, владел 4 языками — но всем этим пожертвовал, чтобы стать помощником отцу. Этот путь ему определил В.И.Ленин: «Ваш фронт, — сказал Ленин, — около вашего отца». Максим был и секретарем Горького, и переводчиком, и его «печатным станком», как с улыбкой называл его отец. «Горький и лучшее из его произведений», — шутливо написал Горький на своей с сыном фотографии, подаренной Чехову.

Безвременная кончина Максима (в 37 лет он умер) очень повлияла на Горького. До конца жизни он и Екатерина Павловна уже не смогли оправиться от горя. Сохранились письма, которые писал Горький своему сыну: сначала ребенку, потом юноше, вступающему в жизнь, потом зрелому человеку. Они истинно горьковские. В них он учит сына быть человеком. В них очень много мудрых и любовных нравственных поучений:

«Чем больше знаешь, тем интереснее жизнь».

«Надо много знать, чтобы бороться со всем, что мешает жить».

Одно из писем заканчивается такими словами:

«Ты уехал, а цветы, посаженные тобою, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сын оставил после себя нечто хорошее — цветы. Вот если бы ты всегда и везде, всю жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе — легка и приятна была бы твоя жизнь. Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой.»

Правда, в последние годы жизни отношения Горького с сыном несколько осложнились. Горький, получавший в то время самые большие в советской литературе гонорары (по 100 рублей за лист, то есть в 2-3 раза больше, чем другие), привык жить на широкую ногу, полюбил большие деньги. Он начал коллекционировать дорогой фарфор, книги, у него было несколько домов. В заграничных поездках он сам и его многочисленная свита содержалась советским правительством. Это не могло не повлиять на его сына. Максим увлекается автомобилями, которые часто меняет, банкетами, пикниками, чисто русским беспредельным загулом. Увлечение спиртным было вызвано начавшимся разладом в его семейной жизни: удивительная внутренняя схожесть его с женой в первые годы брака, когда они оба были и не взрослые, и не молодые, а ребячливые, теперь сменилась ревностью, он ревновал свою красавицу-жену к Горькому, оказывавшему ей особое внимание (тем более, что ходили слухи о том, что его дочь Дарья — дочь Горького; в качестве доказательства говорили о завещании, которое писатель сделал на ее имя), к Г.Ягоде, руководившему тогда НКВД и домогавшемуся ее любви и ко многим другим (впоследствии старшая внучка Горького Марфа выйдет замуж за сына Л.Берии. Так дважды судьба сведет членов семьи Горького с репрессивно-карающими органами советского государства).

Публикуемые в последние годы ранее неизвестные литературные и исторические документы о Горьком (например, очерк И.А.Бунина о писателе) показывают нам Горького в необычном для нас ракурсе, далеком от привычного представления о нем. Так, Бунин писал: «Говорил он громко, мог говорить часами, собеседники уставали от него. Особенно доставалось деликатному Чехову, который терпеливо сносил его речи. Рассказывая что-то, он ревниво следил за реакцией собеседника, стараясь уловить его впечатление. Если кто-то отвлекался от его речи, он хмурился, если его слушали хорошо, он входил во вкус. При разговоре он бледнел от самолюбия, честолюбия, от восторга публики перед ним. Поклонников своих любил поучать, говорил с ними небрежно и назидательно. Окружение его заискивало перед ним, упиваясь гордостью от близости с ним. И будто бы небрежно, будто бы независимо, то и дело они вставляли в свое обращение к нему его имя:

— Совершенно верно, Алексей... Ты прав, Алексей...

Ходил он всегда в свободной блузе, подпоясанной ремешком, в особенных сапожках с короткими голенищами, в которые вправлял брюки. Всем известно, как подражали ему в «народности» одежды многие молодые писатели».

Об этом же писала Зинаида Гиппиус, она даже назвала целое поколение русских писателей «подмаксимками», то есть маленькие грибочки, которые выросли под большим «Максимом»: Бунин, Леонид Андреев, Куприн, Вересаев и др.

Да, вокруг него всегда были подражатели, поклонники, пытающиеся записывать за ним его высказывания, изречения. Этого зрелый уже Горький не любил: «Я и сам умею писать. Что будет нужно, я сам напишу». Увидев как-то у проживающего в его доме долгое время художника дневник, в котором он очень подробно записывал все мысли Горького о книгах, людях, разных событиях, он с негодованием потребовал, чтобы тот немедленно бросил их в печку. Это был не каприз, а принципиальное нежелание фигурировать в роли оракула, чьи изречения записываются в назидание грядущим поколениям. Он был вообще против того, чтобы великого человека описывали как *человека*. В свое время он возмущался книгой «Анатоль Франс в туфлях и халате».

И врагов у Горького, как у всякого заметного человека, всегда было вдоволь, и это внушало ему спокойную гордость... В специальном конверте он хранил ругательные, злые письма, иногда с различными намеками, издевательствами. Но даже эти письма со свойственной ему пунктуальностью он не просто просматривал, а тщательно прочитывал от корки до корки.

На первый взгляд — личность Горького как будто проста и даже банальна. Но интерес к нему современников был противоречив. Лев Толстой в дневниках последних лет мучительно пытался разобрать: что же это за личность такая — Горький? Александр Блок перед смертью с тяжелым чувством думал о нем. Евгений Замятин считал, что в Горьком жило «два человека», Корней Чуковский — что у него «две души».

Современные исследователи считают, что подлинной биографии Горького не знает никто. Писатель ее скрыл, вернее, сообщил только то, что посчитал нужным. Вот почему так много легенд сопровождают сведения и о его рождении, и о его смерти. Известно, что в Горьком течет мордовская кровь — отсюда его скуластость, суженный разрез глаз. Опровергается установившееся мнение о том, что Горький родился в простой семье (со слов

самого Горького). Отец его был управляющим в конторе, мать — дочь богатого купца. И писал Горький совсем без ошибок, опровергая сплетни о том, что кто-то всю жизнь правил его рукописи. Такой грамотности нельзя достичь только самообразованием. Он был очень образован, его называли «ходячей энциклопедией», и не было в те годы в России человека, который мог бы сравниться с Горьким эрудицией и обширностью познаний.

Особенно много легенд существовало и существует о смерти Горького. До последнего времени не утихают споры о том, кем и как был убит Горький. На сегодня уже имеется четыре версии на эту тему (подробнее об этом см.: «Труд», 31 мая, 1991). Наиболее убедительной является версия о причастности к умерщвлению Горького (а также его сына) Г.Ягоды: на судебном процессе он сам признал свою вину в их смерти. Г.Ягода, желавший расчистить себе путь к Надежде Пешковой, жене Максима, приказал, воспользовавшись тем, что тот часто бывает пьян, оставить его на улице в холодную, сырую ночь. Что и было сделано. Крупозное воспаление легких за несколько дней привело молодого, спортивного, здорового человека к смерти...

Думается, что мы еще многого не знаем об истинной жизни советских писателей. Сейчас, когда сняты запреты с литературных и исторических архивов, есть надежда на то, что скоро читатели узнают подлинную историю русской и советской литературы. Слово за учеными...

29. Малюгин Л., Гитович И. Чехов. М., 1983.
30. Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М., 1968.
31. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963.
32. Михайлов А. Маяковский. М., 1988.
33. Нагибин Ю. Остров любви. М., 1977.
34. Некрасов Н.А. в воспоминаниях современников. М., 1971.
35. Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1969.
36. Панаева-Головачева А. Воспоминания. М., 1986.
37. Раевский Н. Когда заговорят портреты. А-Ата, 1965.
38. Рябов В. Дело N 537 // Огонек.— N 15. —1989.
39. Селезнев Ю. Достоевский. М., 1985.
40. Сергей Есенин: Воспоминания родных. М., 1985.
41. Слоним М. Три любви Достоевского. М., 1991.
42. Солоухин В. Кто отравил Блока // Байт. — N 24. — 1993.
43. Сухотина-Толстая Т. Дневник. М., 1987.
44. Толстой И. Мои воспоминания. М., 1969.
45. Толстой Л. Очерки былого. Тула, 1956.
46. Тургенев И.С. в воспоминаниях современников. М., 1988.
47. Турков А. Александр Блок. М., 1969.
48. Хлысталов Э. Тайна гостиницы «Англетер» // Москва. — N 7. — 1987.
49. Чалмаев В. Иван Тургенев. М., 1986.
50. Чернышевский Н.Г. в воспоминаниях современников. М., 1982.
51. Чернышевская Н. Семья Чернышевского. Саратов, 1980.
52. Чернышевская Н. Повесть о Чернышевском. Саратов, 1986.
53. Чехов А.П. в воспоминаниях современников. М., 1979.
54. Чуковский К. Современники: Портреты и этюды. Минск, 1985.
55. Шкловский В. Жили-были. М., 1964.
56. Шнейдер И. Встречи с Есениным. — М., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

О самом важном (обращение к читателю) 3
«Я Вас любил так искренно, так нежно...»
(о Пушкине) 6
«Я не могу любовь определить, но это страсть
сильнейшая — любить!» (о Лермонтове) 35
«Средь шумного бала...» (о Толстом А. К.) 48
«Тот день, когда меня ты полюбила, не проклинай!»
(о Некрасове) 53
«Насколько твое счастье зависит от меня,
ты будешь счастлива» (о Чернышевском) 59
«Жена — не любовница, но друг и спутник
нашей жизни» (о Белинском) 67
«Я ничего не видел на свете лучше Вас...»
(о Тургеневе) 73
«Я не только люблю тебя, но и влюблен в тебя...»
(о Достоевском) 84
«Все счастливые семьи похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья несчастлива по-своему...»
(о Толстом Л. Н.) 92
«Когда любишь, то такое богатство
открываешь в себе!» (о Чехове) 111
«Ты в поля отошла без возврата.
Да святится имя твое...» (о Блоке) 123
«Я сердцем никогда не лгу...» (о Есенине) 137
«Я ж навек любовью ранен...» (о Маяковском) 156
«В любви всегда приятней отдавать, чем брать...»
(о Горьком) 179
От автора 188
Использованная литература 189

Научно-популярное издание

Гинзбург Лилия Геннадьевна

Неизвестные страницы известных биографий
Личная жизнь русских писателей

Заведующая редакцией О.В. Никулина
Редактор Л.Г. Гинзбург
Технический редактор: Л.Г. Гинзбург
Корректор: Е.Б. Курамшина

ИБ № 016

Лицензия на издательскую деятельность

ЛР № 020742 от 02 марта 1993 года

Сдано в набор 15.04.94. Подписано в печать 24.10.94.
Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 12,00.
Уч.-изд. листов 12,40. Усл. кр.-отт. листов 12,24.
Тираж 5000 экз. Заказ 941.

Диапозитивы изготовлены ТОО «Издательство АРГО»
г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 57-3а

Издательство Нижневартовского педагогического института
626440, Тюменская область, г.Нижневартовск,
ул. Ленина, 56.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на издательско-полиграфическом предприятии
«Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.